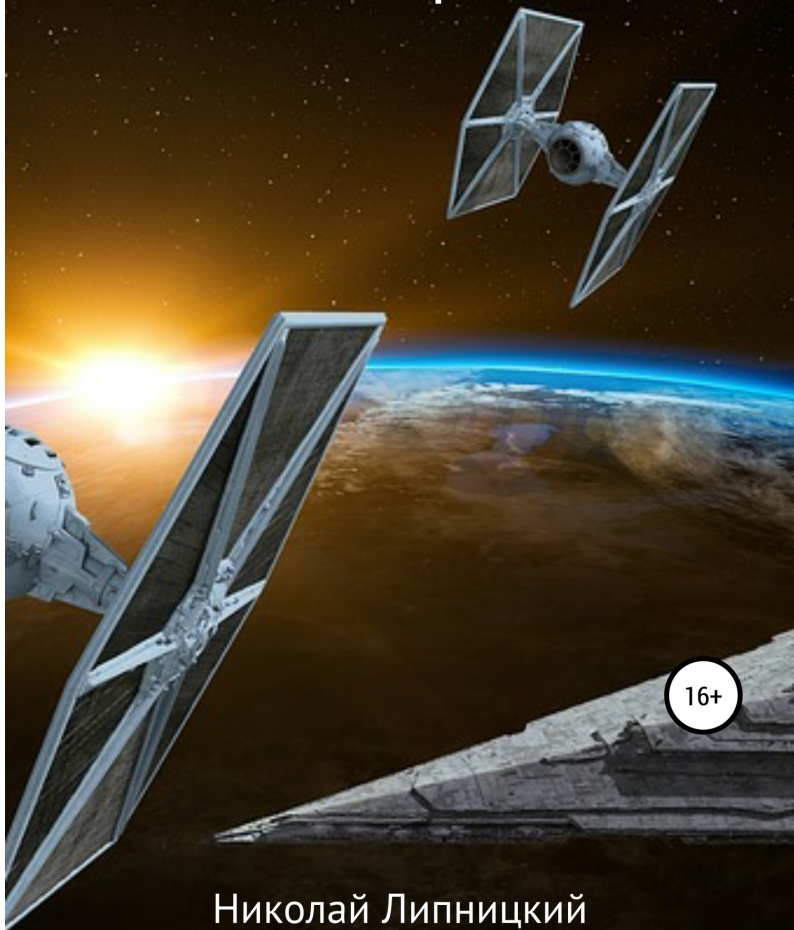

Записки марсианина

16+

Николай Липницкий

Николай Иванович Липницкий

Записки марсианина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47715911

SelfPub; 2019

Аннотация

Почему нас так волнует Марс? Почему мы с таким жадным любопытством воспринимаем любую новость об этой планете. Может, потому, что мы сами оттуда? Есть ли жизнь на Марсе? Наверное – нет. Существуют ли марсиане? Да. Это мы с вами. Мы – потомки тех, кто когда-то улетел с этой красной планеты, чтобы сохранить человеческую цивилизацию. Как это происходило, написано в этой книге. Все герои и события, описанные в книге – вымышленные. Любые совпадения являются случайными.

Для оформления обложки использовалась иллюстрация с сайта Pixabay: <https://pixabay.com>

**«Есть ли жизнь на Марсе –
нет ли жизни на Марсе?**

Науке неизвестно».

Лектор из к/ф «Карнавальная ночь»

Реж. Э.Рязанов.

**«Марс – четвёртая по удалённости от Солнца
и седьмая по размерам планета Солнечной систе-
мы;**

**Отсутствие магнитосферы и крайне разрежённая
атмосфера Марса являются проблемой для
поддержания жизни. Кроме того, Марс также
находится на пороге т. н. «геологической смерти».
Окончание вулканической активности,
по всей видимости, остановило круговорот минера-**

лов

**и химических элементов между поверхностью
и внутренней частью планеты»**

Материал из Википедии

Машина летела по трассе, едва не касаясь днищем магнитной ленты. Я всегда любил скорость, но основное количество трасс не давало мне такого удовольствия. Слабые индукци-

онные токи не позволяли разогнать машину так быстро, как хотелось бы. Иное дело – эта трасса. Тут можно было выжать всё, на что способна моя «Хайва». Только огромные лопасти принудительной вентиляции пролетали мимо, да светильники под сводом тоннеля превратились в одну сплошную светящуюся полосу. Красота! Захотелось петь от распирающей грудь радости и восторга скорости. На одном из поворотов машину занесло, но выдвинувшийся из стены набор мягких роликов плавно вернул её на трассу.

Здание открылось всё и сразу. Тоннель внезапно оборвался, уступая место огромной пещере, посреди которой стоял куб Министерства Спасения Цивилизации. Я усмехнулся, вспоминая, как десять лет назад жена уговаривала меня не соглашаться на перевод сюда. Тогда это была небольшая контора с неясными задачами, мизерным бюджетом и полным отсутствием какого-либо влияния. Многие скептически хмыкали, когда узнавали о том, что я принял предложение. И я как выяснилось, оказался прав! За эти четыре года министерство Спасения Цивилизации стало самой влиятельной организацией в Империи. Сам Император посещает нас не реже раза в месяц! А это о многом говорит.

Как же иначе, если планета умирает. Всё население переселилось в подземные города. Постоянные ветры, дующие с огромной силой, всё более разреженная атмосфера, снижение электромагнитного поля и увеличивающаяся радиация, влияющая на репродуктивные функции человека. Всё

это началось как-то внезапно около двухсот лет назад, а в последнее время эти процессы начали ускоряться, и конец стал приближаться, обгоняя все сроки, установленные учёными. Ещё и внешние угрозы. Выродков стало гораздо больше, и они стали агрессивнее. А ответа на вопрос «Как спасти цивилизацию?» не было. Единственным выходом оставалось забиться поглубже в недра и выживать там. Развернулось масштабное строительство подземных городов там, где когда-то были огромные выработки полезных ископаемых.

Империи повезло. Благодаря Богам, она изначально стояла на территории, богатой углём, рудой цветных и чёрных металлов и копиями драгоценных камней. Не зря она истари считалась самой богатой и влиятельной страной на Марсе. Недра давно истощились, как, впрочем, и на всей планете, а огромные пустоты глубоко под поверхностью остались. И сейчас, если другим странам приходилось вгрызаться в скальные грунты, чтобы создать пространство для строительства убежищ, Империя строила свои города в уже готовых полостях.

Я остановил машину у парадного входа, ткнул в кнопку с надписью «Парковка», выбрался из-за руля, проследил взглядом, как встроенный в навигацию машины искусственный разум отгоняет её на стоянку и поднялся по заветным четырём ступеням из чёрного мрамора. Много кто сейчас мечтал бы так же небрежно пробежаться по ним и, толкнув тяжёлую, величественную дверь, пройти мимо охранных си-

стем, небрежно кивнув охраннику на пульте. Однако, время упущено, и в этом министерстве больше вакансий нет. Тут работают только надёжные сотрудники, проверенные первым годом неустроенности и низкой зарплаты.

Шаги заглушались резиновым покрытием, и в коридоре стояла такая тишина, что казалось, реальность переведена в беззвучный режим. Рабочий день давно начался. Это я задержался, решая вопросы своего отдела с биологами. Впрочем, начальство в курсе, и выволочка за опоздание мне не грозит. Однако, доложиться стоит. Поэтому я сразу направился к дверям в приёмную начальника, минуя дверь в свой кабинет. Эстер, секретарша босса, сидела на своём обычном месте, откинувшись на спинку стула и созерцая голограмму новомодных идей маникюра, вращающуюся над столом.

Вошедшего посетителя она удостоила всего одним мимолётным взглядом и опять вернулась к своему, ну очень важному, занятию. Я поморщился. Работница, типа. С начальником отдела Барнабом я был на достаточно короткой ноге. Не в ущерб субординации, конечно. Просто, вместе не раз засиживались после работы в кабачке неподалёку, где под бокальчик найонского вина обсуждали молоденьких сотрудниц, решали общие вопросы и делились проблемами. Поэтому я знал, что Эстер была головной болью Барнаба. Как работница – полный ноль. Даже, не ноль, а величина не менее десятки со знаком минус. Благодаря своей непроходимой глупости, она умудрялась вредить везде, где пыталась при-

ложить свои куриные мозги. И, ведь, не уволишь! Кто рискнёт уволить дочку министра и любимицу Императора?

– Так, ты считаешь, что это возможно? – Барнаб отхлебнул из стакана глоток тоника и вопросительно уставился на меня. – Сократить сроки проведения второго этапа почти в тридцать раз?

– По крайней мере, биологи заверили, что шанс есть. Они уже уменьшили сроки роста растений на десять процентов и на пятнадцать увеличили скорость фотосинтеза. Плюс закончена работа над цианобактериями и одноклеточными водорослями. Первые две партии готовы к заброске.

– Цианобактерии используются уже давно. На протяжении девяноста шести лет мы забрасываем туда капсулы с ними. Последние тридцать лет туда летят водоросли. Не вижу ничего нового.

– Речь идёт о совершенно новых видах, производительность которых увеличена в сто раз по сравнению с базовыми экземплярами. Если так пойдёт и дальше, к концу года понадобится непосредственное человеческое участие. А это уже – первая волна колонизации.

– Ты сам это видел? Может, всё это просто досужая трескотня, направленная на то, чтобы выбить дополнительные инвестиции?

– Не думаю. Второй экземпляр отчёта они кладут на стол Императору еженедельно. Вряд ли кто-то рискнёт обманы-

вать монарха.

– Ну да. Это себе дороже. Будем надеяться, что скорость преобразований увеличится.

Я и сам бы хотел на это надеяться. Тот энтузиазм, которым я заразился у биологов, гордых своими достижениями, под влиянием скептицизма Барнаба угас, уступая место прежнему конструктивизму. Действительно, радоваться рано. Лабораторные испытания, конечно, дело хорошее. А как всё это будет развиваться там, в чуждой среде, зачастую смертельно агрессивной?

Идея, которую предложил сто лет назад высокочтимый Ерхон, президент Академии наук Империи, показалась всем несерьёзной. Переселиться на соседнюю планету, орбита которой находится ближе к Солнцу, что может быть глупее? Однако, Император уже тогда думал иначе. И я понимал, почему. Вывезти всех нереально по определению. Даже учитывая, сколько народу потеряла империя при переселении в эти города. Запуск космического корабля всегда был очень дорогим удовольствием. А тут – запуск целой армады, способной перенести всё население империи. Но эвакуировать правительство, учёных и самых достойных членов общества – вполне себе выполнимая задача. Пусть, не сразу. Пусть, для этого нужно будет немало потрудиться и затратить уйму средств, но это, всё же, реальный выход.

Именно под эту задачу и создавалось это министерство, когда потребовалось все изыскания в различных областях

науки скоординировать и вплести в один, стройный и чёткий план. До этого каждая лаборатория и конструкторское бюро работали сами, по своему графику, не оглядываясь на других. Но в завершающей стадии необходима была общая координация этого фантастического проекта. И имелись все основания полагать, что в числе достойных окажусь и я со своей женой. Три года исследований, проведённых ещё в самом начале, сотни зондов, пересекших космическое пространство, высадившихся там и скрупулезно собравших данные о планете, назначенной вторым домом. А она впечатляла. Много воды, обширная территория, где можно развернуться. Даже сутки подходили. Вместо привычных двадцати пяти, двадцать четыре часа – погрешность небольшая. Ну и, вполне устойчивое, электромагнитное поле. Однако, все достоинства перечёркивали пара факторов. Во-первых, атмосфера, практически, не содержала кислорода и поэтому не подходила для жизни. К тому же, планета постоянно подвергалась опасному ультрафиолетовому излучению, губительному для всего живого.

Решение проблемы атмосферы предложили биологи. На первом этапе Земля, как называли испокон веков ту планету, бомбардировалась миллионами капсул, содержащих цианобактерии, способные вырабатывать кислород. А его нужно было много. Не задерживался он в свободном состоянии, а почти сразу расходовался на окисление горных пород, растворённых соединений и газов атмосферы. Но, капля камень

точит. Постепенно, содержание вырабатываемого кислорода превысило объёмы, требуемые для окисления. И тогда кислород стал накапливаться в кислородных карманах: полостях или углублениях на поверхности. То есть, стали появляться участки, пригодные для жизни, пока ещё совсем небольшие, но перспективные.

Второй этап состоял в том, чтобы засеять их одноклеточными водорослями, для создания аэробных сообществ, своеобразных природных фабрик по производству кислорода. За тридцать лет водоросли размножились. Да и кислородные карманы стали гораздо больше. Они росли, соединялись между собой, постепенно приводя состав атмосферы к приемлемому результату. Ещё немного, и настанет очередь человека. Необходимо будет основать на орбите Земли лабораторию, которая будет отслеживать увеличение кислорода в атмосфере, а в нужный момент включит формирование в верхних слоях озонового слоя. Работа кропотливая, не допускающая ошибок.

А там уже, настанет пора высаживать на Землю первую партию колонистов, которые приступят к озеленению планеты более сложными растениями и заселению биологическими видами. Вот, тогда, и обретёт человечество новый дом взамен старого, пришедшего в негодность. Побыстрее бы. Я позволил себе улыбнуться. Новая планета, новый дом, новые перспективы. Что может быть лучше?

Вот уже второй год на дальней орбите идёт сборка корабля

– лаборатории, которая отправится к Земле, когда это станет возможным. Грэг видел её на голографических снимках и не уставал удивляться человеческому гению. Огромный шар размером с планетоид, покрытый толстым слоем астероидных и метеоритных пород, защищающих внутренние помещения от жёсткого космического излучения и повреждений при столкновении с метеорами и космическим мусором. Зрелище впечатляло. Внутреннее расположение отсеков корабля держалось в тайне, но кое-что просочилось в массы.

По крайней мере, все знали, что треть всего объёма занимает двигательная установка, позволяющая перемещать такую махину в межпланетном пространстве с очень высокой скоростью. Половина оставшегося объёма занимают криокамеры, содержащие ДНК материал всей флоры и фауны Марса. Ну а остальное пространство делят между собой технические, жилые и лабораторные помещения.

Сигнал тревоги прервал мои размышления и вышвырнул меня из кресла. Следом из-за стола поднялся Барнаб и, бросившись к шкафу, принялся надевать защитный жилет из композитных материалов. Острый приступ зависти догнал меня, когда я был уже на полпути к своему кабинету. Ну, да. С зарплатой начальника отдела можно себе позволить такую роскошь. Мягкий, гнущийся, но при этом способный выдержать не только удар заострённой арматурой, но и заряд плазмы из штурмового пистолета, он был почти невесомым. Не

то, что мой бронежилет, висящий на вешалке у моего стола, тяжёлый, неудобный, в котором я превращался во что-то неповоротливое и неуклюжее.

Навстречу по коридору бежали сотрудники, встревоженно переговариваясь между собой. Многие на ходу застёгивали свои бронники, автоматически хлопая по магнитным застёжкам. Паники не было, так как каждый уже давно знал своё место и свою задачу. Такие тревоги происходили часто. Не реже одного раза в неделю, а в последнее время вообще участились.

– Внимание! – неслось по громкой связи. – Тревога! Нападение выродков на воздухозаборы! Всем занять места согласно штатному расписанию.

Я быстро забежал в кабинет, сдёрнул с вешалки бронежилет, накинул его на себя и помчался к центральному лифту. Штатных расписаний было два: одно – в рабочее время, второе – в нерабочее. Если тревога заставала меня дома, я должен был занять место у пульта управления крупнокалиберным пулемётом у вентиляционной шахты, обслуживающей наш квартал. А, если тревога заставала меня на работе, я занимал место второго номера плазменной пушки. Вот, как сейчас.

Лифт заполнялся быстро и без суеты. Все были сосредоточены, но в глазах, то и дело, мелькало отчаяние. Я натянул на лицо кислородную маску и глянул на индикатор давления. Вот незадача! Забыл вчера поставить её на подзаряд-

ку и генератор дыхательной смеси работает в полсилы. Надеюсь, что на сегодня мне хватит, и не придётся в самый разгар боя удаляться в помещения с нормальной атмосферой. За это по головке точно не погладят. А лишаться премиальных и попадать под штраф не хочется. И так жизнь дорожает с каждым днём.

Наконец, лифт заполнился, створки закрылись, и кабина поползла вверх. Я никогда не любил лифты. Было что-то противоестественное для меня, когда люди в замкнутом пространстве отдают себя на милость подъёмному механизму. Хоть и сам понимал всю иррациональность этого чувства. В конце концов, я же отдаю себя электромагнитному двигателю машины, когда мчусь в замкнутом пространстве кабины по трассе. И мне это нравится. Но природа человеческая всегда была противоречива.

На верхней площадке, дождавшись, когда створки раскроются, мы все дружно устремились на предписанные нам места. Кром, первый номер орудия, уже был на месте и, включив тестовый режим, внимательно смотрел через бойницу наружу.

– Что там? – поинтересовался я, усаживаясь на неудобное сиденье второго номера и проверяя данные нагрева индукционной катушки.

– Жуть, – не отвлекаясь от бойницы, ответил Кром. – Такое ощущение, что их становится всё больше и больше. Мы выкашиваем их тысячами, а их количество не уменьшается,

а увеличивается.

Я скептически хмыкнул, подтвердил завершение тестов, дал команду на приведение пушки в боевое положение и тоже выглянул наружу. Поначалу мне показалось, что всё пространство впереди, на расстоянии трёх километров, заполняет вода. И откуда вода на поверхности Марса? Последние водоёмы испарились или ушли внутрь лет шестьдесят назад. А тут потоки грязной коричневой воды, несущиеся в нашу сторону, захлёстывающие поверхность, оставляя нетронутыми только острые пики разрушаемых ветрами скал и закручивающиеся водоворотами у огромных навалов камней. И только потом я рассмотрел отдельные тела, которые и составляли всю эту массу. Выродки. Бич цивилизации Марса. Те, кто когда-то были людьми.

Когда, лет восемьдесят назад, началось великое переселение людей в подземные города, далеко не каждым мог позволить себе выкупить хоть сколько-то квадратных метров жилого пространства. Поэтому, самые неимущие остались на поверхности. Они сбивались в общины, искали себе пещеры, достаточно глубокие, чтобы там была плотная атмосфера, жалкие источники воды и не доставали пыльные ветра, словно абразивом сдирающие кожу с незащищённого тела. Под воздействием радиации они мутировали и за столько лет превратились в человекоподобных монстров, утративших язык и остатки разума. Единственной целью их была еда. А еды, по их разумению, в подземных городах было мно-

го. Особенно свежего мяса, в качестве которого рассматривались все, там живущие.

Тактический экран выдал расстановку сил и порядок ведения огня. Нам пока предписывалось молчать. Первыми в бой вступают пулемёты. До нас донеслись приглушённые расстоянием басовитые очереди, и первая волна атакующих отхлынула, оставляя на камнях сотни изувеченных крупнокалиберными пулями тел. Всё это напомнило мне кадры голофильмов про море, когда волна, накатившаяся на берег, отступает, оставляя на берегу различный мусор. Где сейчас это море? На его месте, давно уже глубокий каньон, по которому гуляет ветер, полируя базальтовые выступы и кроша в мелкий щебень скалы.

Пошла вторая волна, более мощная. Пулемёты опять заработали, выкашивая первые ряды, но волна всё шла и шла. Ещё немного, и она захлестнёт установки. В дело включились лазерные пушки, и в рядах атакующих стали появляться глубокие бреши, не сразу заполняемые живыми. Тактический планшет пискнул и высветил три красные точки. Целеуказание нам.

– Индукционную катушку на максимум! – тут же отдал команду Кром, бросаясь к навигационной системе наведения. – Температура плазмы?

– Две трети расчетной! – доложил я.

– Подключить дополнительные индукторы!

– Есть! Температура плазмы расчётная!

– Огонь!

Пушка взвыла и выплюнула из своего жерла струю металла, раскалённого до состояния газа. В середине второй линии штурмующих вспухло и стало разгораться пламя. Выродки вспыхивали, словно состояли не из плоти и крови, а из хорошо высушенных кусков дерева.

– Огонь! – скомандовал Кром, изменив координаты цели. И снова вой орудия, ослепительная струя и в другом месте вспыхивает жуткий костёр.

– Огонь! – Кром снова перенёс координаты.

Три огромных костра в рядах наступающих, наконец, переломили ход боя. Среди выродков началась паника и, если задние ряды ещё стремились вперёд, то передние решительно бросились назад. Ряды смешались. То и дело вспыхивали локальные схватки, но паника победила, и незваные гости отступили. Отступили, чтобы вернуться снова, поправил я себя.

– Фух! – вытер пот со лба Кром. – Отбились. А, ведь, когда-нибудь они прорвут линию пулемётов.

– И доберутся до нас, – подытожил я. – Мы не сможем быстро стрелять, как это пулемётчики делают.

– Не сразу. Не забудь, что нас прикрывают импульсные установки. Но, когда-нибудь, они нас задавят числом.

– Когда-нибудь задавят, – нахлынула апатия, и не хотелось ничего делать.

На тактический планшет пришёл сигнал отбоя, и Кром стал переводить оружие в спящий режим. Я нехотя поднялся на ноги и стал лениво ему помогать. Пора было возвращаться к своим непосредственным обязанностям. Да и в маске осталось слишком мало заряда для генератора воздушной смеси. Я глянул на часы и удивился. Уже полдень, а я в своём кабинете был только за тем, чтобы забрать бронезилет. И по работе ничего не сделал. А, ведь, это важно. Важно, прежде всего, для меня. Ведь я, как-никак, планирую слинять с этой планеты. И, желательно, до того, как до нас доберутся выродки. И приблизить этот день, в том числе, и в моих силах.

В отделе никто не хотел настраиваться на рабочий лад. Пережитая тревога и оборона воздухозаборников требовали выхода, и в кабинете стоял гвалт. Каждый доказывал другому, что именно его успешные действия в обороне способствовали победе. Особенно неистовствовали Силкх и Брем. Оно и понятно. Они, по расписанию, состояли в пулемётной команде, и сейчас в их организмах адреналин просто зашкаливал. Я вышел в комнату отдыха и заказал кухонному автомату чашечку кофе. Похоже, что поработать, сегодня, не удастся. Хотя, мне и самому не очень-то и хотелось садиться сейчас за виртуальную клавиатуру искусственного интеллекта и сравнивать графики работ, выискивая малейшие расхождения или наложения, могущие привести к срыву плана работ.

– Говорят, что в сегодня выроdkов было больше, чем всегда, – проговорила жена, принимая у бота стакан с чаем.

Я посмотрел на неё и улыбнулся. Такой она мне всегда нравилась. В эластичном домашнем костюме, взобравшаяся с ногами в кресло и укутанная пушистым пледом. От неё веяло чем-то родным и невероятно домашним.

– Их с каждым нападением становится больше, – ответил я, делая пометки в голограмме рабочей тетради.

– Почему? Ведь в каждом бою их гибнет тысячи!

– Какие-то особенности мутации. Биологи говорят, что вынашивание плода у них сократилось до трёх месяцев, а двухмесячный ребёнок уже может спокойно передвигаться и добывать себе еду. Естественный прирост возобладал над убылью. А это, на минуточку, для них сокращение ресурсов и, соответственно, увеличение агрессивности. Им не терпится добраться до нас. И своими скудными мозгами они понимают, что сквозь шлюзы им не проникнуть. Додумались, ведь, что самые уязвимые места, это вентиляционные шахты и воздухозаборники!

– Разве они разумны? Я думала, что нет.

– По нашим меркам – нет. Но, по-своему, определёнными зачатками мышления они обладают. Это не разум. Это что-то другое. Коллективная память, помноженная на интуицию, наверное. Мне Холл, биолог, на днях говорил, но я почти ничего не понял. Слишком заумно всё это. Учёные, ведь, народ своеобразный. Они считают, что все должны го-

ворить на их языке. Ну, или, хотя бы понимать его. А, если не понимаешь, то это твои проблемы. Они до нас, простых смертных не опускаются.

– Как мне это всё надоело! Я устала жить в страхе, по сигналу тревоги мчаться на свой пост в медпункт и бояться строить планы на будущее! Мы с тобой даже детей не заводим, потому что не видим для них ничего хорошего впереди!

– Так все живут. Потерпи немного. Ты же знаешь, над каким проектом мы работаем.

– Ты всерьёз хочешь попасть в первую волну колонизаторов?

– Да. И я всё сделаю для того, чтобы нас в неё включили.

– Но, почему в первую? Первым всегда приходится тяжелее всего.

– Во-первых, во вторую, а, тем более, в третью волну, втиснуться будет гораздо тяжелее. Ну и, будут ли эти волны? Может случиться так, что никто больше не успеет эвакуироваться с планеты.

– Ты говоришь страшные вещи, Грэг.

– Я говорю правду. Количество выродков с каждым днём растёт. Два города на севере уже погибли. И это только в нашей империи! Каргинская Республика уже практически пала. Только Уно, столица республики, ещё как-то держится. Когда-нибудь они доберутся и сюда. Уже сегодня они чуть не захлестнули пулемётную линию. Кроме того, атмосфера становится всё более разреженной. Скоро будет нечего качать

с поверхности, а установки регенерации воздуха маломощные. Система генераторов дыхательной смеси крайне несовершенна и постоянно ломается. Из-за большой разреженности атмосферы сила ветра многократно возрастает. Слабый атмосферный слой создаёт огромные перепады температур в ночное и дневное время, что приводит к тому, что скальное основание лопается и идёт трещинами. А это нарушение герметизации полостей, в которых стоят города. Усилились подвижки материковых платформ, что привело к активизации тектонических процессов. Нет. Нам однозначно нужно бежать с этой планеты в самом первом составе экспедиции.

– Император знает об этом?

– Сводки о состоянии планеты ему кладут на стол каждый день.

– А почему, тогда, он ничего не делает?

– Что он должен делать? Работы по строительству корабля – лаборатории идут форсированными темпами. Но он не полетит на нём. Там нет места для комфортного размещения Императора, членов его семьи и членов правительства. Для него в резервной шахте стоит персональный звездолёт, комфортабельный и заправленный под самую макушку. Но лететь некуда. Пока некуда. Вот, когда первая волна колонизаторов подготовит условия для высадки на Землю, тогда настанет время для старта императорской ракеты и эскадры кораблей попроще, в которых полетят достойнейшие люди.

Я поморщился. Видел, как-то, список тех самых достой-

ных. Министры, члены их семей, представители богатейшей аристократии и богема. Отдельный корабль, места в котором распределены так, что туда можно набить людей, как сельди в бочки – для учёных, инженеров и прочих специалистов. Тех, кто будет обслуживать всю эту когорту. Даже на краю пропасти эти достойнейшие думают о себе любимых. Неужели и новый мир мы начнём с них? С этих жадных и самовлюблённых созданий. Ведь, можно было когда-то пустить в города всех, не наживаясь на желании выжить основной массы. И тогда бы мы не имели проблемы с выродками. Ан нет! Деньги превыше всего.

Под днищем гравилёта проносятся безжизненные скалы. Изредка, то тут, то там, виднеется цепочка выродков, передвигающихся по тропам. Порывистый ветер то и дело набрасывается на машину, с бешенством дикого зверя стараясь швырнуть её на камни. Но навигатор справляется, выдерживая аппарат на заданной высоте. Вот, только нам с Рупом от этого не легче. Болтает изрядно. Руп, вон, уже зелёный. Слабенький у него вестибулярный аппарат. А я свой тренирую. И Мию, жену, тоже заставляю тренировать. Нам ещё на Землю лететь. А во время полёта комфорт никто не обещал. И, пусть, в корабле обещают создать подобие гравитации, но я сомневаюсь, что будет так, как на Марсе.

Летим мы на северный полюс с инспекцией. Там находится хранилище всего генофонда планеты. Именно его корабль

– лаборатория заберёт с собой, когда будет дан приказ на старт. А мы должны проверить условия хранения. Обидно будет привезти половину корабля нежизнеспособного материала. Тогда все труды на смарку. Опять тряхнуло, и Руп, словно ужаленный, подскочил и умчался в санитарный отсек. Только надрывные звуки говорят о том, что он живой ещё. Эх, как выворачивает-то бедолагу! Даже жалко. Наконец, он появился, бледно-зелёный, с дрожащими губами и мокрым лицом, и опять уселся в кресло.

– Никогда не улететь мне с этой планеты, – жалобно проговорил он, поймав мой сочувствующий взгляд. – Никогда. Я не смогу пережить полёта.

– Тренироваться тебе надо. Потихоньку, начиная с самого малого. Зайди к биологам. Они тебе накидают программу.

– Не поможет, – отмахнулся Руп. – Пробовал. Особенности организма.

– И это при современном уровне медицины?

– Бывает, что и медицина бессильна.

Навигатор пискнул, и зелёный индикатор сменился оранжевым. Это охрана семенного фонда, лежащего на нашем пути первым, идентифицирует нас.

– Гравилёт один – семь – семь, приказываю вам остановиться и позволить просканировать ваш бортовой искусственный интеллект! – донеслось из динамиков.

Я послушно отдал команду навигатору и снял защиту с процессора. Охрана – это серьёзно. Они шутить не будут.

Малейшее подозрение, и сожгут прямо в небе. Даже на завтрак выродкам от нас ничего не останется. И это правильно. Ни одно государство Марса не поддержало нашу идею колонизации соседней планеты. Все настороженно наблюдают за нами со стороны, но пакость в виде уничтожения или захвата генофонда устроить могут. Поэтому и охрана усиленная.

Гравилёт завис, удерживаемый навигатором на одном месте. По экрану поползла зелёная полоса, внутри что-то загудело, защёлкало, а потом пискнуло и затихло. Тишина давила на мозг. Динамик связи молчал, а ветер яростно трепал нашу посудину. Что-то распознавание затянулось. Тут не знаешь, что и думать.

– Уважаемые Грэг и Руп! – наконец голос нарушил тишину. – Доложите цель вашего визита.

– Инспекция правильного хранения.

– Приказ номер ноль двадцать три подтверждаю. Можете продолжить движение.

Аж от сердца отлегло. В который раз прохожу эту процедуру, а всё равно не по себе. Каждый раз ждёшь чего-то неожиданно плохого. Оно и верно. Стоит ошибиться на узле связи какой-нибудь молодой операторше, и приказ не пройдёт. И тогда нас просто собьют сгустком плазмы. Догорим, не долетев до земли. А их там, молодых, смазливых и романтически настроенных, полно. Что стоит одной из них, задумавшейся о неразделённой любви, просто забыть отправить нужную бумагу не по назначению? Или вообще потерять, за-

сунув в какую-нибудь другую папку. А нам тут гореть, из-за неё, синим пламенем.

Гравилёт пошёл по дуге, плавно снизился и влетел в шлюзовую камеру. Мы дождались, когда створки шлюза закроются, и давление снаружи кабины выровняется, откинули дверцы машины и спрыгнули на мощёный шлифованным камнем пол. В дальней стене открылась дверь, и вышедший оттуда военный в тактическом комбинезоне поманил нас. Я подхватил сумку и пошёл к нему. Следом, на ватных ногах, пошатываясь, потянулся и Руп.

– Центурион Валльс, начальник охраны объекта, – представился военный. – А вы, думаю, и есть Грэг и Руп?

– Да. Это мы, – ответил за обоих я. – Проводите нас к руководству объекта.

– Следуйте за мной.

За дверью оказался небольшой коридорчик, тамбур, потом ещё один тесный коридорчик, заканчивающийся бронированной заслонкой. Валльс провёл рукой по правой стороне, чип, вживлённый в запястье, подал сигнал, и заслонка поднялась, открывая обыкновенный коридор, каких я повидал немало в различных учреждениях. Такое ощущение, что я в какой-то конторе, а не на особо важном охраняемом объекте государственного значения. Мы прошли мимо рядов стандартных канцелярских дверей и остановились перед последней, солидной, выполненной из сталитового графита.

– Кабинет доктора Тренка. Вам сюда. А я, с вашего позволения, вернусь к своим делам.

– Идите, центурион. Мы тут сами справимся.

Валльс чётко, как на плацу, развернулся и удалился. А я, толкнув дверь, впихнул впереди себя начинающего приходить в себя Рупа и вошёл следом. Доктор Тренк, высокий, костлявый и весь какой-то несуразный, поднялся из-за стола и вымученно улыбнулся.

– Рад вас видеть, досточтимые!

Ага. Безумно рад! Так все обычно радуются, когда к ним прилетает инспекция. И улыбается неискренне. Впрочем, нам с Рупом как-то безразлично, с какими чувствами нас встречают. Лишь бы не мешали нам выполнять наши задачи. А бывает всякое. То с документом требуемым затягивают, то на объект никак не доставят. Хотя, на объект нас тут никто и не допустит. Во-первых, условия хранения при температуре, близкой к абсолютному нулю требуют нахождения там в скафандре наподобие того, в котором выходят в открытый космос космолётчики. А, во-вторых, там мы всё равно ничего не поймём. Не наша епархия.

Наша задача – документация. График проверки криогенных систем, журнал очередности тестирования, журналы наблюдения, снятия проб, охранные системы, системы климатического контроля и так далее. Нудно, конечно, но на то мы и канцелярские крысы. А кто ещё в министерствах работает? Только крысы канцелярские. Которые, день ото дня, этим

самым и занимаются. Документация – наше всё. Мы с Рупом отказались от предложенного чая и сразу прошли в кабинет, специально выделенный для инспекции. Там уже стояли два вычислительных модуля с голографическими экранами, и мы с ходу принялись за работу. Быстрее начнёшь, быстрее закончишь. Мне надолго тут зависать, как-то, не улыбается. Рупу – тоже.

Как ни торопились, но провозились до самого вечера. Не лететь же в ночь дальше! Пришлось остаться с ночёвкой. Наверху разыгралась нешуточная буря, и связь заработала с перебоями. Из-за помех вообще невозможно было ничего понять из того, что говорят на том конце. Поэтому я, после нескольких безуспешных попыток поговорить с Мией, бросил это бесполезное занятие и вернулся в комнату, где нас разместили. Руп уже улёгся в постель и сейчас что-то читал на голопроекторе. Я разделся и тоже улёгся. Сон не шёл. Не люблю я надолго из дома уезжать. И на чужом месте мне не спится.

Покрутившись в постели около получаса, мне, всё-таки, удалось уснуть. И, даже, что-то снилось. Я где-то бегал, в кого-то стрелял, потом прыгал со скал в глубокую пропасть. Суматошный сон получился. В чём его суть, я как-то не запомнил. Только в целом суета и беготня. Хотя, какая может быть суть у сна? Одни эмоции, которые накопились за день и ночью выплёскиваются таким образом. Мотало нас хорошо во время полёта, вот и сон такой.

Утром, позавтракав в общей столовой, мы отправились дальше. На очереди у нас – хранилище генофонда. Вот, закончим с ним, и домой можно. Выводил нас всё тот же центурион Валльс. Уже готовый к полёту гравилёт дожидался нас в шлюзовой камере, чистенький, с обслуженным антигравом и, даже, с вымытым салоном. Приятно. Мы залезли внутрь, заняли свои места, а Валльс стукнул кулаком в грудную пластину, отдавая честь, и скрылся за дверкой. Загудели сервоприводы, шлюз открылся и мы стартовали.

Ветер, словно ждал, когда мы вылетим. Резкий порыв ударил гравилёт слева, потом подхватил под днище и навалился справа. Бортовой вычислительный комплекс выровнял машину и прибавил скорость, спеша отогнать аппарат повыше. Оно и верно. Тут из-за скалистого рельефа и воздушные потоки непредсказуемы. А наверху ветер, чаще всего, в одном направлении дует. Легче машину удерживать. Руп моментально позеленел и тут же рванул в санитарный отсек. Бедняга. Не надо было ему завтракать.

До генофонда добрались быстро. Всего час полёта, который Рупу точно показался вечностью. Наконец, пройдя необходимые процедуры, вылезли из гравилёта в шлюзовой камере, и, в сопровождении начальника охраны центуриона Хлойка, прошли в кабинет профессора Нарсена, руководителя хранилища. Пара слов в качестве приветствия, стандартный, ничего не значащий разговор, вымученная улыбка, призванная изображать радость от встречи с инспекторами,

и такой же, как и в семенном фонде, кабинет. Работа есть работа. Закончили уже ближе к вечеру. Остаться на ночёвку не хотелось, хоть нас и уговаривали. До дома лететь часа три, если по прямой, до темноты вполне можно уложиться, поэтому мы решили вылетать.

Гравилёт привычно боролся с порывами ветра, а Руп всё так же пугал унитаза, когда мерное жужжание антиграва внезапно сменилось рваными, дергаными звуками. Да и сам гравилёт, вдруг, завибрировал корпусом и, снижаясь, стал рыскать из стороны в сторону. Пульт управления замигал огнями, над лобовым стеклом вспыхнула красная панель, а тишину разорвал писк тревоги.

– Что случилось? – выскочил из санитарного отсека Руп.

– Сбой в работе реактора, – взволнованно сообщил я, всматриваясь в показания приборов.

– Это серьёзно?

– Более чем. Быстро на своё место! И пристегнись!

– Сейчас! – Руп бросился к креслу, но, внезапно, позеленел ещё больше и опять рванул в санитарный отсек.

– Куда! – заорал я, но было уже поздно.

Гравилёт внезапно резко потерял высоту и грохнулся на поверхность. Силой инерции непогашенной скорости его потащило по камням, вырывая куски конструкции и сминая обшивку. Что-то ударило меня по голове, и я отключился. Впрочем, ненадолго. Пришёл в себя почти сразу. По край-

ней мере, раскуроченная машина всё ещё двигалась вниз по склону. Не так быстро, но двигалась. Морщась и постанывая от головной боли, я нацепил дыхательную маску, затянул капюшон комбинезона, отстегнул систему безопасности и поднялся на ноги.

– Руп! – позвал я. – Руп!

Тишина с той стороны, нарушаемая свистом ветра, треском сминаемого корпуса и хрустом крошева камней, катящихся вместе с нами, показалась мне уж очень нехорошей. Удерживаясь за стену и пытаясь остаться на ногах, я кое-как добрался до санитарного отсека и уставился в невидящие глаза коллеги. Руп лежал возле унитаза с неестественно вывернутой головой. Видимо, от удара он упал и сломал себе шею. «Ну, хоть умер быстро, практически мгновенно» – пронеслось в моей голове, и я сам удивился, насколько равнодушной была эта мысль. Как будто речь шла не о коллеге, товарище, с которым я проработал четыре года, а о незнакомом мне мужике.

Резкий толчок корпуса сбил меня с ног, и я полетел прямо на тело Рупа. Гравилёт остановился, наконец, видимо упершись во что-то. Я, стараясь не смотреть мертвецу в лицо, поднялся и побрёл назад. Давление в кабине резко упало, в рваные пробоины заглядывало начинающее темнеть небо, а ветер уже начал гонять по кабине тучу песка. Пора озаботиться о себе. Рупу уже ничем не поможешь. Умом я прекрасно понимал, что шансы выжить и добраться до своих ми-

зерные, но желание жить заставляло меня действовать. Надежда, как говорится, умирает последней.

Первым делом я вскрыл аварийный запас. Так, что там у нас? Ага, два запасных генератора воздушной смеси. Ну да, гравилёт то двухместный. Что там дальше? Фонарь с запасным аккумулятором, запас еды в концентратах на сутки для двоих. Мне одному – на двое суток, значит. Вода. Это хорошо. При должной экономии можно трое суток протянуть, как и еду. Лучевой пистолет. Его – сразу в кобуру и клипсой на грудь слева. Второй – на пояс. Надеюсь, что не понадобятся, но с ними спокойнее. Ну и набор выживания, включающий нож, зажигалку, брикеты для костра и спальный мешок.

Медлить нельзя. Генератор дыхательной смеси рассчитан на два часа. Их у меня три, включая два запасных. Правда, есть ещё дыхательная маска Рупа, но к нему я уже не подойду. Не смогу себя заставить. И того, на поверхности я смогу быть только шесть часов. За это время мне нужно найти достаточно глубокую пещеру, чтобы в ней была необходимая для дыхания плотность атмосферы и там поджидать помощи. Надеюсь, что она будет, ведь маяк, установленный в машине, должен подавать непрерывный сигнал бедствия. Хотя, панель управления погасла и не подавала признаков жизни. Так что, на маяк тоже надежда призрачная. Ещё нужно отыскать горючий материал для костра. Тех брикетов, что были в наборе, надолго не хватит. Быстро собрав объёмистый ранец, я приторочил к нему спальный мешок, закинул всё это

себе на спину и полез наружу. Ветер радостно набросился на меня и чуть не сбил с ног, а мелкие песчинки с противным скрежетом заскребли стёкла маски.

Из-за пыли видно было плохо. Я стоял и озирался, решая, куда мне направиться. Наконец, решился и пошёл вниз по склону, полагая, что там больше вероятности найти глубокую пещеру или, хотя бы расселину. Пройдя немного вперёд, я увидел причину остановки гравилёта. Это был огромный валун, лежащий на склоне. Именно в него у пёрся наш аппарат. А так бы ещё дальше бы скользил. И, кто знает, может, докатился бы до какого-нибудь обрыва и полетели бы мы вниз. Рупу то всё равно, а себе я такой смерти не желаю.

– А какой желаю? – задало у меня в голове вопрос моё второе я. – Задохнуться от недостатка воздуха, когда все генераторы разрядятся? Замёрзнуть от холода или быть заживо съеденным выродками?

Кстати, о выродках. Что-то я о них совсем забыл. А в поисках пещеры я вполне могу на них наткнуться. Что делать? В мозгу волнообразно стала расти паника. Впервые, со времени крушения, перспектива близкой и мучительной смерти предстала передо мной во всей красе. На мгновение я, даже, позавидовал Рупу. Отмучился мужик. Быстро отмучился. Наверное, даже сам не понял, что умер. А я тут один и, может, ко мне уже подкрадываются, прячась за камнями, выродки, истекая слюной от вида моей аппетитной тушки. Я стал с опаской озираться по сторонам, выставив перед собой

лучевик.

Мелькнувшая между нагромождений валунов тень добавила мне ужаса, ноги внезапно ослабли, подогнулись, и я сел там, где стоял. Даже про пистолет забыл. Тень оказалась заросшим до самых глаз бородой косматым мужиком, одетым во что-то грубое, расцветкой ничем не отличающееся от местности, окружающей меня.

– Пошли быстрее! – дёрнул меня за рукав комбинезона мужик. – Не тяни. Скоро сюда квирги придут.

В голове было до звона пусто. Что за квирги? Зачем они придут? Ничего не понимаю. Повинуясь рывку, я встал на ватные ноги и побежал вслед за незнакомцем. Мы поднялись по склону немного наискосок, и мужик, затащив за небольшой, но густой куст, повалил меня на землю и упал рядом. Я попытался было взмутиться и, даже, вспомнил про пистолет, который до сих пор удерживал в руке. Но незнакомец быстро отобрал у меня оружие, шикнул и, вдохнув что-то из небольшого кожаного мешка, который держал, указал рукой на обломки моего гравилёта. Вокруг него стали собираться выродки. Впервые я имел возможность рассмотреть их так близко.

Отвратительное зрелище. Большие, приплюснутые головы, тупые плоские лица с маленькими глазками, большими вывернутыми ноздрями и мощными челюстями, огромные бочкообразные грудные клетки, длинные мускулистые руки

с ужасающими когтями и короткие, кривые и сильные ноги. И ещё их шкура, даже на расстоянии выглядящая толстой, бугристой и покрытой наростами. Пока ещё их было немного, особей пятнадцать. Но они всё прибывали и прибывали. Кто-то из них нырнул внутрь и вытащил оттуда тело Рупа.

От начавшейся сразу вакханалии меня чуть не вывернуло прямо в маску. Мутанты накинудись на тело и стали его разрывать, тут же вгрызаясь в плоть. Сразу же вспыхнули драки за обладание наиболее аппетитным куском. Группа выродков помчалась догонять одного, видимо, наиболее хитрого, который ухватил ногу Рупа и постарался незаметно улизнуть. Не тут-то было. Хитрого догнали и отобрали добычу. Еды для такого количества было явно мало. А что, если они, съев тело моего коллеги, примутся искать еду и обшаривать окрестности? Они же тогда нас быстро найдут!

– Чего мы лежим? – спросил я у мужика. – Сваливать надо.

– Тихо ты! – прикрикнул на меня незнакомец и опять приложился к мешочку. – Подожди. Сейчас уйдут, потом и нам можно будет выдвигаться.

– А, если, они нас тут найдут?

– Не найдут. Они к этим кустам не приближаются.

– Почему?

– Вонючие, потому что.

Ничего не понял. Ладно, пусть кусты вонючие, хоть я в дыхательной маске по определению не чувствую запахов, но

выродкам то какая в том печаль? Они и сами, судя по тому, что я видел, особой чистоплотностью не отличаются и смердят, наверное, будь здоров. Но мужик, наверное, знает, что делает. По крайней мере, хотелось бы на это надеяться. Вакханалия продолжалась ещё, где-то, около получаса. От Рупа не осталось практически ничего. Даже кости все в крошку разгрызли. Потом, вяло, ещё немного подрались и ушли. Только после этого мужик поднялся и, поманив меня за собой, пошёл.

Мы шли, оскальзываясь на щебёнке и сгибаясь под порывами ветра. Хорошо ещё, что ветер не настолько сильный. Но скоро опять поднимется буря, как это бывает на границе ночи и дня, когда температура воздуха невероятно низко падает, а нагретые за день камни отдают своё тепло. Ничего не поделаешь. Законы физики. Тёплые потоки устремляются вверх, а холодные спешат занять их место. Незнакомец, судя по всему, тоже опасался этого, так как ускорил шаг и всё чаще поглядывал на небо.

Наконец, он остановился у очередной расселины и махнул мне рукой. Я понял, обошёл его и заглянул в неё. Грубо вырубленные в скале ступени уводили куда-то в низ. Мужик легонько подтолкнул меня в спину, и я осторожно ступил на первую ступеньку. Спуск был длинным. Стены расселины уже давно сомкнулись над головой, и мне пришлось включить фонарь, чтобы не навернуться вниз. Наконец, передо мной оказалась пещера, в глубине которой слабо мер-

цали отсветы огня. Кто-то жёг костёр.

Пещера оказалась не очень большой. Костёр горел в глубине, но возле него никого не было. Я остановился в нерешительности, а из темноты с той стороны костра кто-то оглушительно свистнул. Я вздрогнул и отступил на шаг назад.

– Не пугай гостя, Хлюм, – вышел у меня из-за спины незнакомец.

– Это ты Фрам? – в свете костра появился невысокий коренастый мужчина с такой же густой бородой и настороженным взглядом из-под мохнатых бровей.

– Я. Вот, видишь, бедолагу подобрал. На своей летающей машине разбился.

– Это из городских, что ли? Зачем тебе это? Они нас бросили в своё время тут подыхать, а ты его к нам тащишь? Пусть бы на своей шкуре испытал, каково нам пришлось.

– Ну, положим, не он бросил, и не тебя.

– Хорошо, моих предков бросили его предки. Но факт остаётся фактом!

– Если мы не будем помогать разумным, чем мы тогда от квиргов будем отличаться?

– Разумом. Ладно, проходите.

Я, вслед за Фрамом, обошёл костёр и увидел на той стороне тоннель, тянущийся в темноту. Опять пришлось включать фонарь.

– Не обращай на Хлюма внимания, – попытался успокоить

меня мужик. – Так-то он человек хороший. Только вредный. Штуку эту свою можешь снять. Тут дышать можно.

Я осторожно оттянул маску и вдохнул. Действительно, воздух разреженный, но вполне пригодный. Значит, можно отключить генератор дыхательной смеси и сэкономить заряд.

– Кстати, так охранять вход, тоже придумал Хлюм, – продолжил Фрам. – Костёр посреди пещеры хорошо освещает всё пространство и любой, зашедший туда оказывается на мушке. А охранник прячется в гроте, совершенно невидимый в темноте. Гениально! Правда?

– Куда ты меня ведёшь? – поинтересовался я, проигнорировав его вопрос.

– В город.

– В город? Разве тут есть города? Если я не ошибаюсь, ближайший населённый пункт находится южнее километрах в десяти.

– Это – ваш. А наш – тут.

– Где?

– Вот.

Тоннель внезапно оборвался, и моему взору предстала огромная полость в скале. Редкие фонари, судя по копоти, поднимающейся над ними, масляные, слабо освещали местность, но, даже при этом неверном тусклом свете, было видно, что вся полость застроена. Узкие кривые улочки и дома, выложенные из грубого камня. По улицам ходили люди, где-

то играла музыка, а из ближайшего дома раздавались крики. Какая-то жёнищина, на чём свет стоит, ругала своего нерадивого мужа. Я, даже, глазам своим не поверил. Разве такое может быть? Нам же всегда твердили, что за пределами городов жизни нет. Выродки не в счёт.

Фрам повёл меня по улице, свернул на ближайшем перекрёстке потом ещё раз и, наконец, остановился возле одного из домов, выглядевшего солиднее, чем остальные. Мой новый знакомый толкнул дверь и пригласил меня внутрь. Я вошёл и огляделся. Небольшая прихожая, полутёмная, освещённая только рассеянным светом, падающим из открытой двери во внутренние помещения. Запах горелого масла, копоти и немытого тела шибанул в нос.

– Кто там? – раздалось из глубины дома.

– Это я, Хилл! – ответил Фрам.

В дверях показался крепкий старик, весь седой, словно в муке вывалянный. Он, подслеповато щурясь, осмотрел нас обоих и, недовольно кряхтя, опять вернулся в комнату. Похоже, приглашение получено. Фрам понял так же и первым пошёл за стариком. В небольшой комнате мы уселись за стол, явно сделанный из оторванной от чего-то обшивки, и старик вопросительно посмотрел на меня.

– Вот, это наш староста, – пояснил мне Фрам. – Зовут Хилл. Меня ты уже знаешь, как звать, а кто ты?

– Меня зовут Грэг. Я работник одного из министерств империи. Мы с коллегой как раз возвращались с инспекции, как

правилёт вышел из строя и упал. Друг погиб при падении, а мне повезло.

– Если бы не я, то не повезло бы, – самодовольно улыбнулся мой новый знакомый.

– Всё это понятно, – вмешался в разговор староста. – Сюда, зачем привёл?

– Тебя в известность поставить.

– В город, зачем притащил его, спрашиваю.

– Ну, как же? Не бросать же его там. Он же на поверхности, как ребёнок. Ничего не знает. Схарчили бы его квирги за милую душу.

– А тебе-то что за печаль? Ну, схарчили бы. Нас эти городские не пожалели в своё время.

– Ну, он-то не виноват.

– А кто виноват? Ты попробуй, попросись к ним. В лучшем случае пошлют куда подальше. А в худшем, пристрелят как пса бешенного.

– Со мной пустят, – вмешался я в разговор. – Я, всё же, сотрудник министерства. Меня послушают.

– Не знаю, что такое министерство, но то, что нас ваши за людей не считают, это точно. Ты, Фрам, что с ним делать собираешься?

– К себе заберу. Пусть отойдёт немного. А там, сам решит: домой добираться, или с нами оставаться. Нам, ведь, тоже люди нужны.

– Нужны. Численность племени сокращается. Только, за-

хочет ли он оставаться?

– Ему решать. Правильно, Грэг?

– Посмотрим, – если они берут во внимание два варианта, то, возможно, есть возможность добраться до цивилизации.

– Всё, – хлопнул ладонью по столешнице староста. – Идите. Я отдыхать буду.

Дом у Фрама оказался поменьше, чем у старосты, но достаточно уютный. Правда, о привычной чистоте можно было только мечтать, но я привередничать не стал. Есть где голову преклонить и подумать над своей судьбой. Да и безопасно к тому же.

– Ты располагайся, не стесняйся, – зажёл светильник мужик. – Сейчас чай подогрею. А пожрать, извини, нет. Я же на охоту ходил, да, только, вместо добычи тебя нашёл. Так и не поохотился. Но, ничего, сейчас по соседям пробегусь, займу чего-нибудь.

– Не надо куда бегать, – я поставил на пол ранец и принялся доставать оттуда пищевые концентраты. – У меня есть.

– Да ты полезный гость! – обрадовался Фрам.

Вода в кастрюле закипела быстро, я закинул парочку брикетов и, вскоре, мы уже наворачивали ложками довольно наваристую кашу.

– И, всё же, – поинтересовался я. – Кто вы такие? У нас про вас никто и не знает.

– Кому надо, знают, – отмахнулся мужик. – Дикари мы.

– Какие дикари?

– Обычные. Твои предки, видимо, деньги имели, раз смогли купить себе место в ваших городах. А у наших не было денег. Вот их и не пустили. Пришлось выживать.

– Ну, я про это знаю. И все знают. Вот, только мы думали, что все, кто на поверхности остался, мутировали и в выродков превратились.

– Ты это про квиргов? Есть такие. Это те, кто объединяться не захотел. А те, кто в общины объединились, выживать стали. В пещеры ушли, поглубже, чтобы дышать можно было. Вот и сохранили человеческий облик. Квирги, сам видел, приспособились к жизни на поверхности. Кожа в бронированную шкуру превратилась, грудь увеличилась, чтобы разреженный воздух вдыхать. А мозги, наоборот, уменьшились.

– Слушай, а как ты на поверхности не задохнулся? У тебя же дыхательной маски не было.

– Это шмун! – взял опять в руки мешочек Фрам. – Мох особенный. В пещерах растёт. Выделяет воздух, пригодный для дыхания. Если его поместить в плотный мешок, то там постоянно есть, чем дышать. Мы постоянно таким пользуемся.

– Интересно. Это, как у нас, в дыхательной маске. Только у нас генераторы специальные стоят, а тут у вас мох обыкновенный. Да это же настоящее открытие! Наши биологи за это полжизни бы отдали!

– Не знаю, кто такие ваши бологи, но мне их полжизни и

даром не нужно.

– А из чего это ваша одежда?

– Это шкура каменного варана. Мясо его едим, а шкуру на одежду пускаем. Хорошие вещи поучаются. Сносу нет! Я свою одежду после отца донашиваю. Да и на местности в ней хорошо прятаться. Сливаешься с камнями. Только, редко он, в последнее время, встречается. Раньше, говорят, много его было. В основном грызунов бьём.

– Тогда там, на склоне, мы с тобой за кустом прятались. Ты ещё сказал, что куст вонючий. Это как понимать?

– А так и понимай. Уж очень сильно этот куст воняет. Ты-то в штуче своей был, не чуял, наверное. Квирги охотятся, используя в том числе, и обоняние. Оно у них очень острое. Из-за высокой разреженности воздуха запахи распространяются плохо, и они приспособились. Видел, какие у них ноздри? А запах куста бьёт по их обонянию не хуже дубины. Они поэтому к нему близко не подходят.

– Как же вы тут живёте?

– А нормально живём. Видишь, тоже город отгрохали. Даже, школа есть. С оружием, правда, проблемы. Аккумуляторы на лучевиках сыпаться начали. Оно и верно-то. Сколько лет им? На луки и самострелы переходим.

– А как лучевики заряжаете?

– В каждой общине своя электростанция есть. Слабая, правда. На освещение мощности не хватает. Но для необходимых нужд самое то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.